
Анжелика Москалёва
Её светлость барон де Тариан

Анжелика Москалёва

Её светлость барон де Тариан

«Автор»
2026

Москалёва А.

Её светлость барон де Тариан / А. Москалёва — «Автор», 2026

После смерти в больничной палате двадцатишестилетняя Анна очнулась в другом мире — в теле отравленного девятнадцатилетнего барона Юлиана де Тариана. Применив навыки психолога, она при помощи друга детства разоблачила предателей и неожиданно открыла в себе сильный ментальный дар, открывающий дорогу к королевскому двору. В столичной академии ее поставили в пару с наглым и невероятно красивым аристократом Райаном де Монфором, владеющим редкой магией Истины. После одного рокового испытания и случайного поцелуя его сила сдернула с нее мужскую оболочку, дав новому телу женский облик. Теперь Анне предстоит скрывать свою тайну, отбиваться от наемников коварного кузена и разбираться в собственных чувствах на пороге опасных дворцовых интриг.

© Москалёва А., 2026
© Автор, 2026

Её светлость барон де Тариан

Глава 1. Выписка без права возврата

Умирать, если честно, оказалось совсем не так эпично, как показывают в кино. Никаких тебе хоров ангелов, золотых ворот и замедленной съемки под грустную скрипку. Просто в какой-то момент организм, который последние несколько лет работал в рваном ритме — неделя в стационаре под капельницами, два месяца дома, снова больница, короткая ремиссия и всё по кругу — окончательно выдохся и повесил табличку «Учет».

Последние две недели в палате тянулись как густой, вязкий кисель. Я лежала у окна, смотрела на мокрые голые ветки за стеклом и думала о том, как глупо всё вышло. Двадцать шесть лет. Диплом психолога, защищенный по видеосвязи прямо с дивана в окружении подушек, пригодился разве что для редких онлайн-консультаций за символические пятьсот рублей в час — на большее ни сил, ни опыта не хватало. Ни нормальной карьеры, ни личной жизни: кому нужна девушка, у которой вместо косметички в сумке лежит пачка обезболивающих и стопка выписок из онкодиспансера? Только родители и держали на этом свете. Папа брал ночные смены, мама таскала мне бульоны в термосе и упрямо делала вид, что всё под контролем. В тот вечер они сидели по обе стороны кровати, держали меня за руки, и я вдруг с кристальной ясностью поняла: хватит. Я больше не хочу, чтобы их жизнь крутилась вокруг моих анализов. Пусть выдохнут. Пусть поживут для себя.

Я прикрыла глаза, сделала последний короткий вдох — такой, на какой только и хватало моих измученных легких — и провалилась в тишину.

А через секунду обнаружила, что смотрю на мамину макушку сверху. Прямо от потолочного светильника.

«Ого, — мелькнула ленивая, почти спокойная мысль. — Вот это меня накрыло. Видимо, вечерний укол наконец добрался до нужных рецепторов».

Внизу, на узкой больничной койке, осталась лежать худая, почти прозрачная девушка. Папа дернулся вперед, мама вскрикнула, а меня тем временем подхватило каким-то невидимым сквозняком и потянуло вверх. Сквозь бетонный потолок, сквозь мокрую крышу, выше серых ноябрьских туч. Город внизу превратился в россыпь размытых огней, потом исчез совсем, и я вылетела в чернильную пустоту, усыпанную холодными звездами. Где-то далеко впереди мигнула крошечная белая точка. Она стремительно развернулась в ослепительную воронку, и прежде чем я успела хотя бы подумать «ну вот, приехали», меня затянуло внутрь.

Выплюнуло меня так резко, словно пробку из бутылки шампанского.

Никакого рая вокруг не наблюдалось. Внизу раскинулся незнакомый мир — такой красивый, что у меня, даже без глаз, сладко защемило где-то в груди. Бескрайние изумрудные леса, серебристые изгибы рек, аккуратные черепичные крыши городка у подножия холма и величественный замок из светлого камня на самой вершине. А над всем этим великолепием в темном бархатном небе висели сразу три луны. Одна огромная, как уличный фонарь, и две поменьше, похожие на начищенные серебряные монетки.

Меня понесло прямо к замку. Пролетев сквозь толстую каменную стену, словно привидение с моторчиком, я очутилась в просторной полутемной спальне.

Свет трех лун лился сквозь высокие стрельчатые окна, заливая комнату призрачным серебром. В центре стояла огромная кровать под тяжелым бархатным балдахином. На сбитых шелковых простынях кто-то лежал — неподвижно, запрокинув голову на подушку. Темные волосы рассыпались по наволочке, лицо казалось высеченным из белого мрамора, а на тумбочке рядом валялся опрокинутый серебряный кубок. В воздухе висел странный, щекочущий ноздри запах горького миндаля и каких-то пряных трав.

Не успела я даже разглядеть незнакомца как следует, как неведомая сила схватила меня за невидимый шиворот и с размаху впечатала прямо в это тело.

Ощущение было такое, будто меня засунули в ледяной гидрокостюм, который к тому же непривычно широк в плечах. Я дернулась, распахнула глаза и судорожно втянула воздух.

И тут же замерла.

Воздух вошел в грудь легко, свободно, до самого дна. Никакого свиста, никакой тупой боли под лопаткой, никакого ощущения, что пытаешься надышаться через тонкую соломинку. Я сделала еще один глубокий вдох. И еще. Господи, да ради одного этого чувства стоило умереть!

— Так, Аня, спокойно, — прошептала я в темноту. И тут же поперхнулась собственным голосом.

Из горла вырвался низкий, бархатистый мужской баритон с легкой, едва уловимой юношеской хрипотцой.

Я медленно села на кровати и уставилась на свои руки. Длинные, тонкие пальцы, широкие ладони, чуть выступающие костяшки запястий. Вместо больничной сорочки на мне болталась расстегнутая шелковая рубашка, под которой просматривалась абсолютно плоская, худощавая мужская грудь.

Спустив ноги на пушистый, теплый ковер, я встала. Голова слегка кружилась, но тело слушалось на удивление послушно. На ватных ногах я добралась до высокого напольного зеркала в резной бронзовой раме и замерла.

Из зазеркалья на меня смотрел высокий, стройный парень — на вид лет восемнадцать. Породистое, чуть вытянутое лицо с острыми скулами и упрямым подбородком. Густые темные волосы растрепались, упав на лоб, а большие серо-синие глаза в обрамлении темных ресниц смотрели на меня с таким комичным ужасом, что захотелось фыркнуть. Из-за бледности кожи он сейчас напоминал героя какого-нибудь любовного романа, но в целом парень был чертовски симпатичным.

Я подняла правую руку — отражение послушно повторило жест. Я потрогала шею и нащупала кадык. Опустила взгляд чуть ниже пояса, приподняла край длинной рубашки, заглянула — и тут же зажмурилась.

— Нет, ну вы серьезно?! — выдохнула я, глядя на этого красавчика. — Я, конечно, просила у вселенной новую жизнь и здоровые легкие, но в графе «пол» галочку точно не меняла! Как я теперь вообще буду... ну, со всем этим хозяйством управляться? Там же всё снаружи! И бриться еще придется! Я же даже ноги нормально побрить без порезов не всегда могла, а тут лицо каждое утро!

Я провела ладонью по щеке, и в этот момент в голове словно шевельнулся легкий утренний туман. Никакого грубого удара или вспышки — просто вместе с запахом старого дерева, воска и пряного вина начали всплывать чужие, но почему-то удивительно знакомые образы.

Вирденхолл. Это место называется Вирденхолл. Родовое поместье, которое досталось мне после того, как родители три года назад погибли при обвале в горном ущелье. А мое новое тело зовут *Юлиан де Тариан*. Барон, последний в роду, девятнадцатилетний наследник.

Я обвела взглядом комнату — массивный дубовый шкаф, письменный стол, заваленный какими-то свитками и толстыми гроссбухами, — и в памяти тут же отозвалась знакомая тянущая скука. Имперская академия. Факультет камеральной статистики и прикладной арифмомантии. Бесконечные столбцы цифр, налоговые ведомости, сложные юридические формулы, от которых у Юлиана вечно раскалывалась голова. Магии в нем от рождения не было ни капли — «пустой сосуд», как шептались за спиной сокурсники, — поэтому единственный способ приносить пользу своему титулу заключался в том, чтобы научиться виртуозно считать деньги и вести дела имения.

А потом всплыло воспоминание о сегодняшнем вечере. Усталость после долгой дороги из академии. Бокал горячего пряного вина на ночь, который принес старый дворецкий, чтобы молодой хозяин быстрее согрелся и уснул. Первый глоток — сладковатый, с едва заметной горькой ноткой миндаля. А дальше — ледяной спазм в горле, невозможность позвать на помощь, темнеющий потолок и тихий стук собственного сердца, которое вдруг взяло и остановилось.

Я перевела взгляд на опрокинутый серебряный кубок на тумбочке. Веселое настроение как рукой сняло.

— Вот тебе и приехал на каникулы, — пробормотала я, ощущая, как чужая обида перемешивается с моим собственным здравым смыслом. — Тебя же отравили, Юлиан. Прямо в собственной постели.

За тяжелой дубовой дверью послышались шаги. Неторопливые, размеренные, уверенные. Так ходят люди, которые выждали ровно столько времени, сколько нужно для действия яда, и теперь идут забрать кубок и поднять «тревогу» о внезапной кончине болезненного хозяина.

Дверь приоткрылась без стука, и в спальню вошел пожилой мужчина в безупречном темно-синем ливрейном сюртуке. Седые бакенбарды, хищный нос с горбинкой, тонкие, плотно сжатые губы. *Маркус.* Дворецкий, который служил семье де Тариан еще при отце Юлиана. В руках старик держал серебряный поднос со свежей водой — отличный повод зайти в покои, если кто-то из слуг вдруг попадется навстречу.

Маркус скользнул взглядом по кровати, явно ожидая увидеть неподвижное тело под одеялом, и замер на полушаге.

Я стояла посреди комнаты у зеркала, в одной расстегнутой рубашке до колен, босиком, и старалась принять максимально невозмутимый вид. Получалось, наверное, так себе — особенно учитывая мои голые коленки и растрепанные волосы, — но теряться было нельзя. И главное: не забывать говорить вслух в мужском роде! Если я сейчас ляпну «я проснулась», старик точно вызовет экзорциста.

На лице дворецкого не отразилось ни истерики, ни криков — только на долю секунды расширились зрачки, да пальцы чуть сильнее сжали края подноса. Старый лис умел держать удар.

— Ваша светлость, — ровно, почти невозмутимо произнес Маркус, тут же склонив голову в учтивом поклоне. — Я не ожидал застать вас на ногах. Принес свежей воды на случай, если после дороги у вас пересохнет в горле.

Я внимательно посмотрела на него. Никакой суеты, голос поставлен идеально, взгляд прямой — не бегает, как у мелкого воришки.

— Какая трогательная забота, Маркус, — ответила я, изо всех сил стараясь, чтобы мой новый баритон звучал солидно и не сорвался на писк. — Поставьте поднос на стол. И скажите честно: вы очень удивились, увидев меня вертикально, а не горизонтально?

Дворецкий поставил поднос на край стола, выпрямился и посмотрел на меня с легким, почти отеческим недоумением.

— Простите, милорд, но я не вполне понимаю вашу шутку. Вы приехали из академии утомленным, выпили согревающего вина перед сном. Я зашел проверить, не нужно ли подбросить дров в камин. Отчего бы мне удивляться?

— Оттого, что в том вине было кое-что покрепче гвоздики, Маркус, — я сделала пару шагов вперед, стараясь не запутаться в полах длинной рубашки. Юлиан оказался выше старика почти на голову, и это здорово помогало. — И пришли вы вовсе не за дровами. Вы пришли забрать кубок, сполоснуть его и разбудить дом криками о том, что слабое сердце молодого барона не выдержало тяжелой дороги. Я ничего не перепутал?

На скулах старика заходили желваки. Он понял, что притворяться глухим дальше бессмысленно, и его взгляд мгновенно стал жестким, колючим.

— У вас нет ни единого доказательства, милорд, — тихо, без прежней учтивости произнес Маркус, чуть прищурившись. — В кубке осталось лишь немного вина со специями. Даже если вы позовете лекаря или мага, они не найдут там ничего, кроме мускатного ореха и корицы. А вот ваши странные обвинения против человека, который тридцать лет верой и правдой служил вашему отцу... Боюсь, люди решат, что утомительная учеба и слабые нервы окончательно помутили ваш рассудок.

Умный гад. Сразу просчитал, что яд не оставляет следов, и решил давить на то, что хозяин просто сошел с ума.

— С нервами у меня теперь полный порядок, Маркус, — спокойно сказала я, контролируя каждое окончание. — Знаете, когда на пару минут заглядываешь на тот свет, сразу начинаешь смотреть на вещи трезво. Правда, половину прошлого я после этого кошмара помню как в тумане, зато отлично соображаю. Вам не нужно передо мной оправдываться. Тот, кто заплатил вам за мою смерть, наверняка пообещал кругленькую сумму. Но подумайте сами: если я остался жив, значит, вы провалили дело. А такие заказчики не любят свидетелей своих неудач.

Маркус едва заметно дернул щекой. Базовую логику страха еще никто не отменял: любой исполнитель боится своего нанимателя больше, чем жертву.

— Вы напрасно пытаетесь меня запугать, милорд, — холодно отрезал дворецкий, делая плавный шаг назад к двери. — Никто не поверит вашим бредням. А до утра вам лучше побыть взаперти и как следует отдохнуть — чтобы не натворить глупостей в приступе горячки.

Старик резко дернул дверь на себя, выскользнул в коридор и мгновенно провернул ключ в замке снаружи.

— Ну вот, — вздохнула я, глядя на закрытую дверь. — Сразу видно, практики маловато. Надо было сначала выход перекрыть, а потом уже душевные беседы заводить. Ладно, Аня, не киснем. Главное — легкие работают, голова на месте, а с дверью мы сейчас что-нибудь придумаем.

Снаружи уже доносился тяжелый топот сапог и приглушенные, четкие распоряжения Маркуса. Судя по всему, старик решил не тянуть до рассвета, а прямо сейчас инсценировать «приступ буйного помешательства» молодого барона силами подкупленной охраны — пара ударов по голове, открытое окно, и вот уже готов трагический несчастный случай.

Я лихорадочно оглядела спальню. Тяжелая кочерга у камина? Подойдет, но против вооруженных мужиков в одной ночной рубашке с ней долго не навоюешь.

И тут в центре груди вдруг вспыхнуло странное, густое тепло. Оно разлилось по телу за долю секунды, словно я залпом выпил кружку обжигающего глинтвейна. Кончики пальцев неприятно закололо, по коже пробежали мурашки, а воздух вокруг меня будто стал плотным и наэлектризованным.

Я опустила взгляд на свои ладони. Над ними лениво перекатывались крошечные синеватые искры.

— Подождите-ка... — прошептала я, вспоминая отголоски памяти Юлиана. — В этом же теле магии ноль. Вообще ни капли! Откуда тогда эта иллюминация?!

Видимо, душа у меня оказалась с хорошим таким магическим багажом — просто в моем старом мире магии не существовало, вот она меня изнутри и сжигала все эти годы, маскируясь под болезнь. А здесь, попав в родную среду, радостно расправила плечи.

За дверью лязгнули засовы — стражники уже поворачивали ключ, готовясь ворваться внутрь. Времени на изучение учебников по арифмомантии и высшим магическим формулам не оставалось от слова совсем.

— Ладно, — сказал я сам себе, выставляя обе ладони вперед, прямо на дубовые створки. — Формул я не знаю, но базовый принцип «нажми и толкни» работает в любой вселенной. Поехали!

Глава 2. Вынос двери, визит магистра и первая терапия для предателей

Когда в родном мире я смотрела фантастические фильмы, магия там всегда выглядела красиво: герой плавно взмахивает рукой, вокруг него летают золотые руны, играет эпическая музыка, и враги красиво разлетаются в стороны.

В реальности всё оказалось куда менее эстетично и гораздо громче.

Я просто уперлась взглядом в дубовые створки, представила, как невидимая волна срывает засов, и мысленно толкнула это странное, кипящее в груди тепло прямо в ладони.

В ушах хлопнуло так, будто рядом взорвалась петарда. Синеватый сгусток света сорвался с моих пальцев, врезался в дверь — и тяжеленный массивный дуб, который, судя по толщине, мог бы выдержать таран, с треском вылетел из косяка вместе с петлями.

Снаружи раздался дружный мужской вопль, грохот падающих тел и звон железа.

Я замерла посреди спальни с вытянутыми вперед руками, глядя на зияющий дверной проем, из которого медленно оседала известковая пыль. В груди приятно гудело, словно после хорошей пробежки, а кончики пальцев еще слегка покалывало.

— Ничего себе... — прошептала я, опуская руки. — А если бы я чихнула? Половину замка бы снесло?

Выглянув в коридор, я увидела живописную картину. Вырванная с мясом дверь лежала поперек прохода, придавив собой двух здоровенных детин в кожаных куртках поместной стражи. Один из них тихо стонал, пытаясь вытащить ногу из-под дубового полотна, второй лежал без сознания, пуская слюни на ковровую дорожку. А чуть дальше по коридору, вжавшись спиной в гобелен, стоял Маркус.

Безупречная невозмутимость старого лиса испарилась без следа. Его глаза стали размером с блюдца, бакенбарды встопорщились, а нижняя челюсть мелко подрагивала. Оно и понятно: полчаса назад он собственными руками отравил хилого мальчишку, у которого от рождения не было ни капли магии, а теперь этот мальчишка стоит в одной ночной рубашке до колен и вышибает дубовые двери голыми руками.

— Маркус, ну вот зачем было так суетиться? — вздохнула я, перешагивая через выбитую дверь и стараясь не наступить на стонущего стражника. — Я же просил просто поговорить. А теперь нам еще и столяра вызывать придется.

Дворецкий судорожно глотнул воздух, перевел взгляд на мой подол, из-под которого торчали бледные худые ноги, и попятился назад, к парадной лестнице.

— Демон... — прохрипел он. — Стража! Ко мне!

— Да какая стража, Маркус, мы же в цивилизованном обществе, — я сделала шаг вперед, снова чувствуя, как в ладонях начинает собираться знакомое тепло.

Именно в этот момент со стороны лестницы раздался быстрый, уверенный топот сапог, а следом — звонкий, слегка раздраженный мужской голос:

— Что за чертовщина тут творится?! Маркус, вы что, пушку в коридоре взорвали? Я приехал навестить друга, а у вас тут штукатурка с потолка сыплется, как на полигоне боевого факультета!

На площадку лестницы взлетел высокий светловолосый парень в темно-зеленом дорожном плаще, забрызганном грязью. На вид ему было лет двадцать пять. Открытое, умное лицо, чуть вздернутый нос, серые глаза, в которых сейчас плескалось искреннее недоумение, и тяжелый кожаный саквояж в руке.

В моей голове тут же отозвалось теплое, дружеское узнавание, пришедшее из глубин памяти Юлиана. *Димитрий Аверинский.* Друг детства, выросший в соседнем поместье, а ныне — младший магистр Имперской академии на кафедре структурной арканы и бытовых чар. Единственный человек, который никогда не смеялся над безмаговым Юлианом и вечно таскал ему с кухни пирожки, когда тот сидел над скучными расчетами.

Димитрий обвел взглядом коридор: выбитую дверь, придавленных стражников, перепуганного до икоты дворецкого — и наконец уставился на меня.

Пауза затянулась. Димитрий медленно опустил саквояж на пол, перевел взгляд с моего растрепанного вида на мои голые пятки, потом на обломки косяка и моргнул.

— Юлиан? — осторожно уточнил он, нахмурив светлые брови. — Друг мой, я, конечно, знаю, что экзамены по прикладной арифмомантии доводят людей до нервного срыва, но зачем же мебель ломать в одной ночной сорочке?

— Милорд Аверинский! Слава богам, вы приехали! — взвизгнул Маркус, мгновенно сообразив, что прибывший магистр — его единственный шанс. Старик бросился к Димитрию, на ходу нацепляя маску скорби и тревоги. — Молодой хозяин тронулся рассудком! Он бросался на слуг, кричал, что его отравили, а потом... потом использовал какую-то темную магию! Взгляните на дверь! У него же никогда не было дара, это одержимость!

Димитрий нахмурился еще сильнее, переведя взгляд на дворецкого.

— Одержимость? В Вирденхолле? Маркус, вы в своем уме? Откуда бы здесь взяться...

Не успел он договорить, как дворецкий, пользуясь тем, что внимание магистра отвлечено, резко юркнул мимо него вниз по лестнице. Старик бежал с такой прытью, что позавидовал бы любой спринтер.

— Держи его! — крикнула я, спохватившись: — То есть, хватай его, Димитрий! Это он меня отравил!

Димитрий не стал задавать лишних вопросов — академическая выучка сработала мгновенно. Он коротко взмахнул правой рукой, начертив в воздухе четкий геометрический знак, и негромко произнес короткую формулу.

С его пальцев сорвалась тонкая золотистая нить. Она змейкой скользнула вниз по ступеням, обвилась вокруг лодыжек бегущего дворецкого, и Маркус с глухим стуком растянулся на лестничной площадке, как связанный баран.

— Порядок и стабилизация, — удовлетворенно хмыкнул Димитрий, отряхивая ладони, а затем резко повернулся ко мне. В его серых глазах больше не было растерянности — только холодная собранность опытного мага. — А теперь, Юлиан, объясни мне всё по порядку. И желательно до того, как я начну проверять тебя на наличие проклятий. Откуда у тебя магический выброс такой силы, что вынесло дубовую дверь с петлями?

Я тяжело вздохнула — вернее, вздохнул мой новый баритон — и оперлась плечом о косяк, чувствуя, как адреналин потихоньку отпускает, а ноги начинают слегка подрагивать.

— Димитрий, давай сначала зайдем в комнату и я хотя бы штаны надену, — устало сказал я, стараясь держать спину прямо. — А то стою тут, как привидение на распродаже, и пытаюсь объяснить тебе законы мироздания. И да, у меня для тебя очень плохие новости: Маркус действительно подсыпал мне яд в вино. Я буквально полчаса назад очнулся после того, как у меня остановилось сердце.

Димитрий замер. Его взгляд скользнул по моему лицу — бледному, с темными кругами под глазами, но с совершенно живым, осмысленным взглядом — потом переметнулся на опрокинутый кубок, который виднелся в проеме спальни, и наконец остановился на связанном дворецком внизу лестницы.

— Остановилось сердце... — тихо повторил магистр, и его лицо мгновенно посерьезнело. — Так. Понял. Я сейчас запру этого старого крысеныша и стражников в кладовой под стабилизирующим контуром, а ты одевайся. Через пять минут жду от тебя полный отчет. И не вздумай ничего утаивать, Юлиан, я тебя с шести лет знаю.

«Вот это и пугает», — подумала я, скрываясь в спальне.

Пока Димитрий в коридоре методично паковал пленников с помощью своей магии порядка, я устроила себе экспресс-курс по освоению мужского гардероба. Натянув темные шерстяные штаны, чистую рубашку и поверх нее теплый вязаный жилет, я подошла к зеркалу,

пригладила растрепанные темные волосы и критически осмотрела себя. Вполне приличный молодой барон.

Димитрий вернулся в спальню ровно через пять минут. Он прислонил выбитую дверь к стене, наложив на нее пару светящихся золотистых рун, чтобы та не падала, и тяжело опустился в кресло у камина.

— Я проверил кубок и остатки вина, — без предисловий начал он, сцепив пальцы в замок и глядя на меня в упор. — Обычный бытовой анализатор показал бы чистый напиток. Но моя специализация — структурная аркана, я вижу нарушение естественных связей в веществе. Там был *слепой морозник*. Редчайшая дрянь, которую варят алхимики на южных границах. Он имитирует естественную остановку сердца и распадается в крови через десять минут после смерти. Ни один лекарь не нашел бы следов.

У меня по спине пробежал холодок.

— То есть это было спланированное убийство, — тихо сказал я, присаживаясь на край кровати. — И Маркус в этом участвовал.

— Не просто участвовал, — Димитрий нахмурился. — Я допросил одного из стражников, пока тащил их в кладовую. Они не из старой гвардии твоего отца. Маркус нанял их месяц назад, пока ты был в академии. И платил им не из казны Вирденхолла, а столичными золотыми империалами с личным клеймом банкирского дома Роттенбергов. Вывод простой: за спиной дворецкого стоит кто-то богатый из столицы, кому не терпится прибрать к рукам титул де Тариан, богатые виноградники и солидное наследство, которое оставили твои родители.

Он замолчал и испытующе посмотрел на меня.

— А теперь твоя очередь, Юлиан. Во-первых, как ты вообще выжил после слепого морозника? Во-вторых, откуда у тебя такой выброс неструктурированной маны, что ты вынес дубовую дверь без единой формулы? И в-третьих... — Димитрий прищурился, наклоняясь вперед. — Почему ты говоришь и держишься так, будто тебе не девятнадцать, а все тридцать, и ты только что вернулся с тяжелой службы?

— Димитрий, я сам мало что понимаю, — честно ответил я, благо в этой фразе не было ни слова лжи. — Когда я выпил это вино и почувствовал, что задыхаюсь, меня будто вышвырнуло в ледяную пустоту. А потом... словно плотину внутри прорвало. В груди вспыхнул огонь, сердце забилось снова, а в голове всё перемешалось. Я помню тебя, помню Вирденхолл, помню, что учился на этом проклятом статистическом факультете, но половина событий последних лет — как в густом тумане.

Димитрий долго молчал, буравя меня взглядом.

— Магическое пробуждение на грани смерти, — медленно проговорил он, словно пробуя гипотезу на вкус. — В древних трактатах описаны такие случаи. Когда сосуд маны запечатан с рождения, сильный шок или смертельный яд может сорвать печать. Видимо, именно эта внутренняя закупорка и делала тебя таким болезненным все эти годы. А когда яд остановил сердце, резерв вырвался наружу, сжег токсин и запустил организм заново. Сейчас у нас задача поважнее: нужно выяснить, кто нанял Маркуса, и собрать доказательства.

Мы спустились на первый этаж. Каморка дворецкого находилась рядом с хозяйственным крылом. Димитрий встал посреди комнаты, развел руки в стороны и закрыл глаза. От его ладоней во все стороны разошлись тонкие золотистые волны, сканируя стены и пол — и вдруг одна из нитей ярко вспыхнула, упершись в нижнюю половицу прямо под ножкой письменного стола.

— А вот и нарушение структуры. Доска недавно поднималась.

Я присела на корточки, поддел половицу ножом со стола — и под ней обнаружилась небольшая ниша, в которой лежал увесистый кожаный кошель со столичными золотыми империалами и аккуратная связка писем, перевязанная черной лентой.

Димитрий осторожно достал письма, пробежал глазами первое из них и тихо присвистнул. Его лицо мгновенно потемнело.

— Полюбуйся, Юлиан, — глухо произнес Димитрий, протягивая мне лист с размашистым почерком и фамильной печатью младшей ветви рода. — «...слепой морозник сработает чисто, как только кузен вернется на каникулы. Как только тело похоронят, я прибуду в Вирденхолл как единственный законный наследник рода и его казны и выплачу вторую половину суммы. Твой хозяин, Люциан де Тариан».

— Ах ты ж скользкий гад, — вырвалось у меня. В памяти сразу всплыл образ двоюродного брата Юлиана — холеного франта с вечной снисходительной ухмылкой. — Значит, это Люциан. Решил прибрать к рукам и титул, и родительское состояние!

— Пошли в кладовую, — мрачно кивнул Димитрий, убирая письма в саквояж. — Нам нужно письменное признание самого Маркуса под магическим свитком правды.

Глава 3. Разговор по душам, посылка в столицу и набор кадров

В подвальной кладовой пахло сушеным чабрецом, пылью и старым деревом. Пленники сидели у стены на мешках с мукой. Двое наемников уныло смотрели себе под ноги и старались лишний раз не дышать: золотистые нити Димитрия, которыми он их опутал, при любом резком движении больно щипались током. А вот Маркус сидел ровно, с прямой спиной. Даже связанный, старый дворецкий пытался делать вид, что он тут просто мимо проходил.

— Ну и как будем его колоть? — тихо спросил Димитрий, доставая из своего саквояжа плотный свиток с синей печатью. — Это судебный свиток правды. Если человек под ним врет, бумага начинает дымиться. Но есть одна проблема: чтобы магия сработала, он должен подписать его сам. А этот упрямый старик скорее зубы сотрет, чем перо в руки возьмет.

— Давай я попробую с ним поговорить, — так же тихо ответила я. Помолчала секунду, мысленно прогнала фразу, чтобы не ляпнуть вслух «попробовала», и добавила: — По-хорошему. Без криков и угроз. Просто отойди немного в сторону, чтобы не давить на него.

Димитрий пожал плечами, но спорить не стал и отошел к двери.

Я подошла к Маркусу, придвинула пустой деревянный ящик и села напротив него. Никаких хитрых уловок я придумывать не стала — откуда у меня такой опыт? Я просто посмотрела на этого уставшего, седого старика и представила, что у него сейчас в голове творится. А в голове у него, скорее всего, полный кавардак: план провалился, хозяин жив, в замке сидит имперский магистр, а за спиной маячит богатый и злой кузен Люциан, который промахов не прощает.

— Маркус, — спокойно начал я, стараясь говорить просто, без всякого барского гонора. — Давай без глупостей. У нас есть письма от моего кузена Люциана, которые мы нашли у тебя под половицей. Есть кубок с остатками яда, который Димитрий уже запечатал в магию. И есть мое слово барона против твоего. Для того чтобы отправить тебя на виселицу, этого уже выше крыши.

Дворецкий дернул щекой, но промолчал, глядя куда-то мне за плечо.

— Но мне не нужна твоя голова, Маркус, — продолжил я. — Мне нужно, чтобы Люциан ответил за то, что он сделал. А он в суде будет отпираться до последнего. Скажет, что печать у него украли, а почерк подделали. Чтобы засадить его наверняка и лишить наследства, нам нужны твои показания под свитком правды.

Старик усмехнулся — сухо, без всякой радости.

— И с чего бы мне помогать вам, милорд? Что так петля, что эдак. Зато если я промолчу, милорд Люциан, может, еще и вытащит меня из тюрьмы. У него в столице связи.

— Вытащит? — я искренне удивился. — Маркус, ты же взрослый, умный мужик. Зачем ему тебя вытаскивать? Ты сейчас — единственный человек, который может подтвердить, что яд прислал именно он. Если тебя посадят в обычную уездную камеру, до утра ты не доживешь.

Придет какой-нибудь тихий парень от Люциана, подсыплет тебе в кашу тот же самый морозник — и всё. Нет свидетеля, нет проблем.

Один из наемников у стены громко сглотнул и нервно завозился на своем мешке. Маркус же замер. Было видно, что эта мысль ему и самому в голову приходила, просто он старался ее отгонять.

— А что предлагаете вы? — глухо спросил старик, впервые посмотрев мне прямо в глаза.

— Всё просто, — я пожал плечами. — Ты прямо сейчас подписываешь свиток правды. Рассказываешь всё: как Люциан тебя нанял, сколько заплатил и кого еще из слуг в замке он успел подкупить. Взамен мы с Димитрием лично везем тебя в столицу, под его магической охраной, и сдаем прямо в руки Имперской судебной коллегии. Там люди Люциана до тебя не дотянутся. А за помощь следствию мы попросим суд заменить тебе казнь на ссылку в южные провинции. Там тепло, море рядом, доживешь свой век спокойно. По-моему, это гораздо лучше, чем сдохнуть в местной яме от собственного же яда.

В кладовой на минуту повисла тишина. Старик тяжело дышал, глядя в пол. Видимо, прикидывал шансы.

— А мы?! — вдруг не выдержал один из наемников, дернув связанными руками. — Ваша светлость, мы ж никого не травили! Нам старик сказал, что вы с ума сошли и кидаетесь на людей! Мы только у двери стояли! Нам тоже на юг можно?

— Заткнись, идиот! — рявкнул Маркус, но было уже поздно. Наемники явно не собирались лезть в петлю за чужие деньги.

Старый дворецкий посмотрел на них, потом на Димитрия, который стоял у двери со свитком наготове, и вдруг сдулся. Плечи его опустились, вся спесь куда-то делась. Передо мной сидел просто старый, напуганный человек, который на старости лет позарился на легкое золото и крупно влип.

— Ладно, — тихо сказал Маркус. — Давайте ваш свиток, милорд. Только слово дайте, что в уездную тюрьму меня не отдадите.

— Даю слово, — кивнул я.

Дальше всё пошло быстро. Димитрий развернул свиток, коснулся его пальцем — по краям бумаги пробежали синие искорки — и поднес перо сначала к Маркусу, потом к обоим наемникам. Магия работала четко: стоило дворецкому попытаться чуть приврать, что он якобы не знал, насколько сильный яд в пузырьке, как пергамент зашипел и пошел серым дымком. Маркус испуганно дернулся и тут же выложил всё начистоту.

Оказалось, кузен Люциан готовил это дело еще с осени. Кроме Маркуса и двух наемников, он подкупил старшего конюха и молодую горничную, которая убиралась в моих покоях — именно она должна была потом незаметно вынести и закопать флакон из-под яда. Всем им пообещали щедрую долю из родительского золота Вирденхолла, когда Люциан вступит в права.

Когда последний росчерк пера высох, синяя печать на свитке ярко вспыхнула, подтверждая, что всё написанное — чистая правда. Димитрий аккуратно скатал документ и убрал его в кожаный тубус.

— Отличная работа, Юлиан, — сказал друг, когда мы вышли из подвала. В холле уже топтались двое гвардейцев из ближайшего гарнизона — Димитрий вызвал их по сигнальному амулету, пока я беседовал с Маркусом. — Пленников мы отправим в столицу с моим личным сопроводительным письмом, там их примут сразу в судебную крепость. А вместе с ними поедут письма Люциана, запечатанный кубок с остатками морозника и этот свиток.

— Думаешь, этого хватит? — поинтересовалась я, глядя, как стражники выводят притихших заговорщиков во двор.

— Улики серьезные, да еще и против члена древнего рода, — пожал плечами Димитрий. — Но как повернется дело в столице, предсказать трудно. У Люциана наверняка есть защит-

ники и связи при дворе. Наше дело — передать бумаги в Имперскую судебную коллегию, а там уже пусть судьи решают, как с ним поступить по закону.

— Логично, — кивнул я. — Главное, что здесь он нам больше не помешает. Слушай, Димитрий, а сколько времени сейчас?

— Пятый час утра. Скоро рассвет.

— Отлично. Значит, у нас есть пара часов поспать, а утром будем искать новую прислугу. У меня в замке из честных людей остались только старая кухарка Марта, садовник да пара конюхов.

Утром я проснулась оттого, что в окно вовсю светило яркое, непривычно теплое солнце. Я полежала пару минут, прислушиваясь к себе. Ничего не болело. Дышалось так легко и свободно, что хотелось просто лежать и улыбаться в потолок. «Всё-таки повезло мне, — подумала я. — Ну подумаешь, мужик. Зато живой и здоровый. А с остальным как-нибудь разберемся».

Правда, оптимизма слегка поубавилось, когда я спустилась в кабинет Юлиана и открыла его учебники.

На столе лежала толстая книга в коричневой коже: *«Основы прикладной арифмомантии и камерального учета»*. Я пробежала глазами первую же страницу, и у меня тут же заныли зубы. Какие-то магические матрицы, расчеты земельного налога с поправкой на фазы трех лун, юридические формулы...

— Нет, ну это издевательство, — пробормотал я, захлопывая книгу. — Я в прошлой жизни еле-еле проценты по вкладу считала, а тут надо магию в бухгалтерию вплетать!

— Не переживай, до начала семестра еще пять дней, успеешь вспомнить, — Димитрий зашел в кабинет с двумя тарелками горячих пирогов с мясом. — Кухарка Марта там от радости чуть всю кухню не перевернула. Говорит, пока молодой хозяин не поправится, она от плиты не отойдет. Кстати, во дворе уже народ собирается. Слух по городку быстро прошел, что в Вирденхолл требуются честные люди на хорошее жалованье.

— Вот это дело! — обрадовалась я, хватая теплый пирог. — Пошли смотреть кандидатов.

Мы устроились в большом зале на первом этаже за длинным дубовым столом. Я — в центре, как хозяин, Димитрий — сбоку, с серьезным видом. Он пообещал тихонько проверять людей своей магией порядка, чтобы сразу отсеять жуликов и воришек.

Первым в зал вошел высокий, жилистый мужчина лет сорока в старом, но чистом солдатском мундире без знаков различия. На щеке — длинный шрам, спина прямая, взгляд спокойный и твердый.

— Артур Вейн, ваша светлость, — четко представился он. — Бывший сержант имперской пехоты, ушел в отставку после ранения в ногу. Ищу место начальника охраны.

Я посмотрела на него и улыбнулась. Вспомнились мои редкие подработки и разговоры со знакомыми, которые ходили по собеседованиям в офисы. Ну а почему бы не задать пару простых вопросов по-человечески, без аристократических закидонов?

— Присаживайтесь, Артур, — сказал я. — Скажите честно: почему ушли со службы и что будете делать, если к воротам подъедет мой двоюродный брат с отрядом вооруженных людей и потребует его впустить?

Сержант даже глазом не моргнул:

— Ушел, потому что в пешем строю по двадцать миль в день ходить нога уже не дает, а в замке стоять — в самый раз. А насчет брата... Если от вас письменного приказа не будет, я ворота на засов закрою, арбалетчиков на стену поставлю, а вас в подвал отведу, пока всё не выясним. Хоть сам император пусть приедет — без бумаги не пущу.

Димитрий тихо хмыкнул в кулак, а я довольно кивнул.

— Отлично. Вы приняты, Артур. И если у вас есть пара проверенных друзей из бывших сослуживцев, зовите их в караул. Жалованье не обидит.

Следующим на место дворецкого пришел пухленький, очень вежливый мужчина средних лет по имени Генрих. Он так низко кланялся и так красиво расписывал свою честность и преданность роду де Тариан, что мне сразу стало скучно. А когда Димитрий незаметно покачал головой, я и вовсе всё поняла.

— Спасибо, Генрих, — вежливо сказал я. — Мы подумаем и дадим вам знать, если место освободится.

— И правильно, — шепнул Димитрий, когда за тем закрылась дверь. — У него вся аура липкая, как мед. Половину серебра из буфета вынес бы за первую неделю.

К вечеру мы набрали отличную команду. Кроме сурового Артура и двух его товарищей в охрану, взяли шуструю девчонку Лизу в горничные — она честно призналась, что грамоте не обучена, зато полы моет так, что в них смотреться можно, и чужих тайн не любит. А на место управляющего пришел пожилой, аккуратный счетовод из городского казначейства по имени Себастьян. Когда старик увидел на моем столе книги по прикладной арифмомантии, у него даже глаза загорелись: оказалось, он всю жизнь мечтал работать с магическим учетом, но в провинции таких мест не было.

— Себастьян, вы мое спасение, — с искренним чувством сказал я, передавая ему ключи от архива и толстую тетрадь с налоговыми ведомостями. — Весь учет и расчеты по имению теперь на вас. Я буду проверять только общие итоги.

Когда новые слуги разошлись по своим делам, мы с Димитрием наконец остались в кабинете вдвоем. За окнами уже темнело, и над лесом медленно поднималась огромная жемчужная луна.

— Ну что, Юлиан, — Димитрий устало откинулся на спинку кресла, глядя на меня с легким удивлением. — С заговором ты разобрался, людей набрал толковых. Честно говоря, я тебя таким собранным никогда не видел. Но есть один важный момент перед отъездом.

— Какой? — насторожилась я.

— Держи руки в карманах и постарайся вообще не думать о магии, пока мы не доедем до академии, — серьезно сказал друг. — Учить тебя сейчас бессмысленно — я специалист по структурной аркане и бытовым чарам, а у тебя, судя по выбитой двери, совсем другой профиль и огромный резерв. Если я начну впихивать в тебя свои формулы, мы только хуже сделаем. В академии есть специальные измерительные артефакты и опытные наставники. Они определят твой тип дара и научат с ним справляться. А наша задача сейчас — просто добраться до столицы в целости и сохранности.

— Золотые слова, — с облегчением выдохнула я. — Никакой самодеятельности, обещаю.

Глава 4. Опасная бритва, уроки этикета и незваные гости

Оказалось, что быть здоровым девятнадцатилетним парнем — это, конечно, потрясающе, но у этой медали есть масса бытовых неудобств, к которым жизнь меня совершенно не готовила.

Утро третьего дня началось у меня с тяжелого вздоха перед зеркалом. На скулах и подбородке Юлиана пробилась темная, колючая щетина. Я потрогала ее пальцами, поморщилась и перевела взгляд на кожаный футляр с опасной бритвой, который предусмотрительно положил на умывальный столик новый управляющий Себастьян.

— Ну и как этим пользоваться, чтобы не перерезать себе сонную артерию? — вслух спросила я у своего отражения.

В прошлой жизни с бритвенными станками я обращалась аккуратно, но одно дело — одноразовый станок с защитной полоской, и совсем другое — отполированное до блеска лезвие, которым при одном неловком движении можно побрить не только щеку, но и ухо.

Я взбила мыльную пену помазком, намазала лицо — получилось кривовато, половина пены попала в ноздрю — и осторожно поднесла лезвие к щеке. Мышечная память Юлиана, к счастью, не подвела: рука сама взяла нужный угол, и первые пару движений прошли на удивление гладко. Я даже обрадовалась и решила ускориться. И тут же зацепила лезвием подбородок.

— Ай, черт! — шикнул я, хватаясь за полотенце.

— Ты там что, сам на себя покушение устроил? — раздался от двери веселый голос. В спальню без стука заглянул Димитрий, уже одетый в чистый темно-синий камзол, с неизменной стопкой бумаг в руках. Увидев меня с полотенцем у лица и в перепачканной пеной рубашке, он расхохотался. — Дай угадаю: после того яда руки еще не слушаются, и ты забыл, как держать бритву?

— Да просто неудобно как-то, — буркнул я, прижимая полотенце к порезу. — Не привык еще.

— Стой смирно, не дергайся, — Димитрий подошел ближе, легко щелкнул пальцами, начертив в воздухе крошечный золотистый крестик, и коснулся моего подбородка. Кожу приятно пощипало, и порез затянулся за секунду, не оставив даже царапины. — Вот и всё. Бытовая стабилизация тканей, первый курс. Кстати, раз уж с магией мы решили не экспериментировать до академии, займемся твоими манерами и физикой. Пошли в тренировочный зал, вспомним, как шпагу в руках держать.

— Зачем мне шпага? — удивилась я, вытирая остатки пены с носа. — Юлиан же на бухгалтера... то есть на статиста учится!

— В академии учатся дети высшей аристократии, Юлиан, — серьезно ответил Димитрий. — Когда вскроется история с твоим кузеном Люцианом, о тебе заговорит вся столица. Начнутся косые взгляды, проверки, дуэльные вызовы от всяких горячих голов. Я не прошу тебя становиться мастером клинка, но ты должен хотя бы уметь красиво встать в стойку, не запутаться в собственном плаще и знать правила дуэльного кодекса. Иначе опозоришься в первый же день.

Спорить было глупо. Следующие два дня превратились для меня в настоящий курс молодого аристократа. Димитрий оказался отличным наставником, пусть и немного занудным.

Утром мы спускались в старый тренировочный зал в западном крыле замка. И если с этикетом было еще терпимо — я просто старалась держать спину ровно, не сутулиться, как привыкла за годы болезни, и следила за тем, чтобы не сбиваться на женский род в разговорах, — то фехтование стало настоящей комедией.

— Юлиан, ты держишь клинок так, будто собираешься им белье в тазу помешать! — ворчал Димитрий, в очередной раз легко выбивая у меня из рук деревянный тренировочный меч. — Шаг вперед, левая рука за спину, корпус вполоборота! Ты же занимался с мастером до пятнадцати лет, неужели тело совсем не помнит?

— Ну, видимо, именно эту часть памяти морозник вымыл начисто, — отдувался я, потирая отбитую ладонь. В душе я прекрасно понимала, что девчонка-психолог из двадцать первого века в принципе не знает, с какой стороны подходить к холодному оружию, но показывать это было нельзя. — Давай лучше еще раз повторим, как правильно кланяться ректору и старшекурсникам, это у меня как-то лучше получается.

— Кланяться ты и так научился безупречно, прямо как столичный дипломат, — усмехнулся друг. — Ладно, хватит на сегодня махать палками. Пойдем проверим, как там новый управляющий справляется с бумагами.

С бумагами Себастьян справлялся блестяще. Пожилой счетовод буквально расцвел: он навел идеальный порядок в архиве Вирденхолла, пересчитал налоги, проверил договоры с арендаторами виноградников и даже нашел пару старых долгов, которые соседи «забыли» вернуть в казну рода де Тариан еще после гибели родителей Юлиана.

— Ваша светлость, ваше поместье в превосходном состоянии, — докладывал Себастьян, поправляя круглые очки на носу. — Прежний дворецкий, конечно, пытался припрятать часть приходных книг, но с помощью магистра Аверинского мы всё восстановили. Золота в казне достаточно и на содержание замка, и на ваше обучение, и на обновление винодельни.

— Вот и славно, Себастьян, — с облегчением сказал я. — Значит, я могу спокойно ехать на учебу и не переживать, что дом развалится.

Впрочем, проверить мои новые навыки светского общения пришлось еще до отъезда в столицу.

На четвертый день каникул, как раз перед самым обедом, в дверь кабинета постучал Себастьян. Старик выглядел слегка взволнованным, но держался с достоинством.

— Ваша светлость, к воротам подъехала карета с гербом баронов фон Крейнц, — доложил он. — Барон Отто и его старший сын просят принять их. Говорят, проезжали мимо и решили справиться о вашем здоровье.

Я переглянулась с Димитрием. В памяти Юлиана тут же всплыло имя соседа: Отто фон Крейнц — жадный, прижимистый помещик, чьи земли граничили с южными виноградниками Вирденхолла. Он уже два года пытался за бесценок выкупить у «болезненного соседа» лучший участок долины, уверяя, что молодой барон всё равно не справляется с хозяйством.

— Вот как, — протянул я, поднимаясь из-за стола. — Интересно, откуда он узнал о моем нездоровье? Неужели кузен Люциан успел заранее разболтать по округе, что в Вирденхолле скоро освободится место хозяина?

— Очень может быть, — нахмурился Димитрий. — Хочешь, я останусь в комнате? Присутствие имперского магистра охладит их пыл.

— Нет, давай ты посидишь в соседней гостиной за приоткрытой дверью, на всякий случай, — улыбнулся я. — А я сам с ними поговорю. Надо же проверить, чему ты меня за эти два дня научил.

Через пять минут в малую гостиную ввалился барон Отто — грузный, краснолицый мужчина в богатом бархатном кафтане — в сопровождении своего тощего, высокомерного сынка, который сразу принялся брезгливо разглядывать старые гобелены на стенах.

— Дорогой Юлиан! — громогласно загудел барон Отто, расплываясь в фальшивой, приторной улыбке, хотя глаза его при этом хищно сузились, когда он увидел, что я стою на ногах, а не лежу в постели. — А до нас дошли тревожные слухи, будто вам совсем худо после дороги! Мы с сыном так переживали, что тут же свернули с тракта!

— Как трогательно, барон, — спокойно ответил я, не спеша предлагать гостям сесть и сохраняя ту самую ровную, чуть отстраненную позу, которой меня два дня муштровал Димитрий. — Видимо, ваши информаторы слегка поторопились. Как видите, я полон сил и даже успел обновить охрану и управляющего. Старый дворецкий, знаете ли, оказался нечист на руку и уже едет в столицу давать показания в Имперской судебной коллегии.

Улыбка на лице соседа слегка дрогнула. Слово «судебная коллегия» явно не входило в его сценарий визита.

— Какое несчастье, кругом одни мошенники, — быстро сориентировался Отто, решив перейти сразу к делу. — Вот я и говорю: тяжело вам одному тянуть такое большое имение, Юлиан! Учеба в столице, нервы, здоровье слабое... Продайте мне южные виноградники. Я человек добрый, дам хорошую цену — половину от рыночной, прямо сегодня золотом! И вам головной боли меньше.

Я посмотрела на этого важного индюка, и мне вдруг стало так смешно, что захотелось фыркнуть. Сколько таких «доброжелателей» я видела в прошлой жизни — давят на жалость и неуверенность, чтобы урвать кусок пожирнее.

— Барон Отто, вы меня просто поражаете своей заботой, — мягко сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Но, боюсь, вы немного отстали от жизни. Мое здоровье теперь в полном

порядке, а делами имения занимается опытный счетовод. Более того, я как раз собирался расширять винодельню. Так что если вы вдруг решите продать мне свой северный луг — за треть цены, разумеется, чтобы избавить вас от лишних хлопот — я с радостью рассмотрю ваше предложение.

Тощий сынок соседа поперхнулся воздухом, а сам барон Отто побагровел так, что стал цветом напоминать собственный бархатный кафтан.

— Да как вы смеете, юноша?! — рявкнул он, забыв про всю свою приторную вежливость. — Вы тихоня без связей! Без покровителей в столице вы здесь и года не протянете!

— Насчет покровителей в столице вы ошибаетесь, барон, — невозмутимо отозвался я, кивнув в сторону приоткрытой двери соседней гостиной, откуда в этот момент как раз вышел Димитрий в парадном мундире магистра Имперской академии. — Знакомьтесь, мой близкий друг и наставник, магистр Аверинский. Он как раз сопровождает меня в столицу и заодно везет кое-какие документы в судебную коллегию. Кстати, Себастьян упоминал, что у вашего рода есть непогашенная расписка перед моим покойным отцом еще с прошлого года... Надеюсь, вы не забудете закрыть этот долг до конца месяца?

Барон Отто перевел взгляд с меня на сурового магистра в имперском мундире, судорожно сглотнул и мгновенно сдулся. Связываться с представителем академии и судебными приставами ему явно не хотелось.

— Разумеется, Юлиан, разумеется... простая формальность, всё выплатим в срок, — пробормотал он, пятясь к выходу. — Не смеем больше задерживать. Счастливого пути в столицу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.